

Иван Валерьевич Ставров¹ (stavivan@yandex.ru)

МАЛЫЙ НАРОД БОЛЬШОЙ СТРАНЫ: ПОЛОЖЕНИЕ ХЭЧЖЭ (НАНАЙЦЕВ) В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Статья посвящена одному из самых малочисленных народов КНР — хэчжэ, — особенностям его адаптации к современным реалиям Китая, специфике сохранения элементов традиционной культуры, реализации системы районной национальной автономии применительно к конкретному этносу страны. В России эта народность больше известна как нанайцы. Основная их часть населяет Дальний Восток РФ, в КНР же сосредоточена южная ветвь, ареал которой в настоящее время расположен в треугольнике между устьем р. Сунгари, частью побережья р. Амур и средним течением р. Уссури. В процессе изучения вопроса автор пришёл к следующим выводам. Во-первых, государственная политика в целом позволяет поддерживать этническую идентичность хэчжэ через институт национальных волостей, представительства в высших, региональных и местных органах власти, а также сохранение традиционных праздников, элементов повседневной культуры. Во-вторых, несмотря на существенный рост численности хэчжэ в период КНР, демографическая база не позволяет эффективно поддерживать воспроизводство национальной культуры. В целом же изучаемому народу присущи все основные демографические тенденции, сложившиеся в Китае к началу XXI в.: сокращение размера семьи, рост миграционной подвижности и др. В-третьих, несмотря на существенное улучшение бытовых условий, качества жизни, произошло разрушение традиционного хозяйства хэчжэ: в настоящее время они занимаются теми же видами хозяйственной деятельности, что и ханьцы. В-четвёртых, наблюдается практически полная утрата языка. Таким образом, к началу третьего тысячелетия ассимиляционные процессы стали преобладать и есть вероятность скорого растворения хэчжэ в конструируемой китайской нации — *чжунхуа миньцзу*.

Ключевые слова: КНР, провинция Хэйлунцзян, хэчжэ, нанайцы, национальная политика, межнациональные отношения, сохранение традиционной культуры.

Ivan V. Stavrov¹ (stavivan@yandex.ru)

THE SMALL PEOPLE OF A LARGE COUNTRY: THE SITUATION OF THE HEZHE (NANAI) IN CONTEMPORARY CHINA

The article is devoted to one of the smallest peoples of the PRC — *hezhe*, the peculiarities of its adaptation to the contemporary situation of China,

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

the specifics of preserving the elements of traditional culture, and the implementation of the system of regional ethnic autonomy as applied to the specific people of China. In Russia, this ethnic group is better known as the Nanai. Most of them inhabit the Far East of Russia, while in China the southern branch of the Nanai is concentrated, whose range is currently located in the triangle between the mouth of the river Sungari, part of the Amur coast and the middle course of the river Ussuri. In the process of analysis, the author came to the following conclusions. Firstly, state policy as a whole allows maintaining the hezhe's ethnic identity through the institution of ethnic minority township, representation in higher, regional and local authorities, as well as maintaining traditional holidays and elements of everyday culture. Secondly, despite a significant increase in the number of hezhe during the PRC, however, the demographic base does not allow to effectively support the reproduction of ethnic culture. In general, the people being studied are characterized by all the main demographic trends that had developed in China by the beginning of the 21st century: a decrease in family size, an increase in migratory mobility, and others. Thirdly, despite a significant improvement in living conditions and quality of life, the traditional hezhe economy was destroyed: they are currently conducting similar economic activities as the Han people. Fourth, there was an almost complete loss of language. Thus, by the beginning of the third millennium, assimilation processes began to prevail and there is a likelihood of a quick dissolution in the constructed Chinese nation — *zhonghua minzu*.

Keywords: China, Heilongjiang Province, Hezhe, Nanai, ethnic policy, interethnic relations, the preservation of traditional culture.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена одному из самых малочисленных народов КНР — хэчжэ, — особенностям его адаптации к современным реалиям Китая, специфике сохранения элементов традиционной культуры, реализации системы районной национальной автономии применительно к конкретному этносу страны. У нас в государстве эта народность больше известна как нанайцы. Основная их часть населяет Дальний Восток РФ, в КНР же сосредоточена южная ветвь, ареал которой в настоящее время расположен в треугольнике между устьем р. Сунгари, частью побережья р. Амур и средним течением р. Уссури.

В России история изучения данного народа занимает около полутора веков. Наиболее крупные труды были написаны Л.И. Шренком, Л.Я. Штернбергом, И.А. Лопатиным, Ю.А. Сем, А.В. Смоляк, П.Я. Гонتماхером, Е.А. Гаер и др. [9]. В основном авторы изучали материальную и духовную культуру нанайцев России / СССР, хотя периодически привлекались и материалы о сунгарийской ветви народа. В 1965 г. вышел фундаментальный труд Института этнографии АН СССР «Народы Восточной

Азии», содержащий очерк этнической истории тунгусо-маньчжурских народов Китая (главным образом, маньчжуров), в рамках которого некоторое внимание уделялось *хэчжэ* и их современному (на момент издания книги) положению [14, с. 684—686]. В постсоветский период китайские нанайцы по-прежнему не удостоивались большого внимания со стороны российских исследователей. В 1999 г. вышел обзор о неханьских национальностях Северо-Восточного Китая, принадлежащий Н.В. Кочешкову. Непосредственно *хэчжэ* в статье уделяется всего пара страниц [11]. Заслуживают внимания работы М.М. Хасановой по истории этнокультурных контактов народов Нижнего Амура и Северо-Восточного Китая [21] и С.В. Березницкого — полевой отчёт об экспедиции в места компактного проживания *хэчжэ* в пров. Хэйлунцзян [2]. В целом, несмотря на глубокую традицию изучения народов Приморья и бассейна Амура, работ, посвящённых этническим группам, проживающим в Северо-Восточном Китае, чрезвычайно мало.

В Китае этноним *хэчжэ* закрепился в языке в правление династии Цин (1644—1911 гг.). В этот период их именовали также *хэйцзинь* (黑斤, 黑津), *хэйчжэ* (黑哲), *хэцзинь* (赫斤, 赫金). Первое упоминание названия «хэчжэ» относится к 1663 г.: оно приведено в «Хронике правления цинского Шэн-цзу (Цин Шэнцзу шилу. 清圣祖实录)»². Впервые в научном обороте термин «хэчжэ» встречается в книге «Хэчжэ низовий Сунгари» (1934 г.) [41, с. 108—111]. В период КНР книги о «народе нанай» начали появляться не сразу. Одной из первых работ стала небольшая монография Лю Чжунбо «Народ *хэчжэ*» (1981), представляющая собой краткий историко-этнографический очерк [38]. Чрезвычайно интересен научный отчёт по результатам комплексного обследования национальной волости Цзецзинькоу (округ г. Тунцзян), где не только подняты исторические вопросы существования народа *хэчжэ*, но и проанализированы современные тенденции его развития. Также показаны изменения в социально-демографической структуре, трансформации традиционных форм хозяйства, духовной культуры [47]. В целом же на китайском языке в последние два-три десятилетия вышли десятки статей по рассматриваемому вопросу, особенно много их в журнале «Хэйлунцзян миньцзу цункань», издаваемом Академией общественных наук пров. Хэйлунцзян (далее — ХАОН). На русском языке опубликована статья Сюй Чанхань, научного сотрудника Института литературы ХАОН, посвящённая песенной традиции китайских нанайцев [20]. Несмотря на обилие выходящих в КНР «малых» печатных форм, монографических исследований пока ещё недостаточно.

Англоязычная историография не богата на исследования современных *хэчжэ*. Небольшой обзор об этом народе можно встретить в книге

² Шэн-цзу (圣祖) — посмертное храмовое имя императора Канси (Сюань Е, 1654—1722 гг.).

Х. Шварца [25], имеется словарная статья в «Этноисторическом словаре Китая», подготовленном Дж. Олсоном [22, р. 140—142]. Работы Э. Пулфорда о *хэчжэ* / нанайцах написаны в русле фронтирных исследований и мало повествуют о собственно развитии изучаемой национальности [23; 24].

ХЭЧЖЭ И СИСТЕМА РАЙОННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

К моменту образования КНР (1949 г.) *хэчжэ* проживали в уездах Тунцзян и Жаохэ. На тот момент их численность составляла около 460 чел. Всего по Первой всекитайской переписи населения 1953 г. в пров. Хэйлунцзян их насчитывалось 453 чел. [41, с. 122; 43, с. 78]. В 1950-е гг., впервые в истории китайского государства, стала формироваться система законодательства, регулирующая «национальное строительство». В отличие от СССР в Новом Китае отказались от федерализма и учредили унитарную систему районной национальной автономии. Основные её принципы были закреплены в «Общей программе НПКСК» (1949 г.), ставшей временной конституцией КНР, «Основных принципах осуществления местной национальной автономии» (1952 г.) и Конституции КНР 1954 г.

В Конституции 1954 г. (а затем и в ныне действующем Основном законе 1982 г.) выделялись следующие ступени районной национальной автономии: автономный район — автономный округ — автономный уезд. Принципом учреждения автономных районов было наличие проживающих в нём компактных групп неханьских национальностей. Национальные волости и посёлки исключались из списка районов национальной автономии ввиду невозможности осуществления автономных прав в столь мелких административных единицах. Новое законодательство закрепляло следующие автономные права: использование в делопроизводстве письменности национальности, осуществляющей автономию; развитие национального языка и письменности; подготовку национальных кадров; развитие местной экономики; развитие науки, культуры, здравоохранения всех национальностей, проживающих на территории автономии; принятие отдельных постановлений местного значения. При этом система районной национальной автономии носила ярко выраженный административный характер, что приводило к частым нарушениям прав неханьцев.

Как уже отмечалось выше, *хэчжэ* являются малочисленным народом и не могут сформировать автономный район, поэтому они были объединены в несколько национальных волостей: Бача (1956 г.), Цзецзинькоу (1963 г.) и Сыпай (02.02.1986 г.). Позднее появились ещё два посёлка *хэчжэ*, не имеющие волостного статуса: Аочи (03.06.1987 г.) и Чжуацзи (07.2002 г.) [47, с. 153]. Деятельность национальных волостей регулировалась «Инструкциями Госсовета по некоторым вопросам образования

национальных волостей» (29.12.1955 г.) [39]. Этот документ позволял образовывать национальные волости в местах совместного проживания этнических меньшинств с ханьцами либо другими национальными меньшинствами. Как правило, возможность создания таких административных единиц предоставлялась национальностям, составляющим 10% и более от всего населения территории. В результате к 1958 г. в масштабах страны было создано свыше 1300 национальных волостей [28, с. 463—464].

Во время «Большого скачка» и «культурной революции» (1958—1976 гг.) неханьцы часто подвергались дискриминации, а преобразования в национальном строительстве были свёрнуты. С началом эпохи «реформ и открытости» многие перекосы прежнего периода постепенно сглаживались. На прошедшем в сентябре 1982 г. XII съезде КПК прозвучал тезис о стратегической важности национального вопроса [1], а принятая в декабре того же года Конституция вновь закрепляла права неханьских национальностей на развитие языка, культуры и т.п. В 1984 г. впервые в истории Китая был принят специальный «Закон о районной национальной автономии».

Появлению местных положений о регулировании деятельности национальных волостей предшествовало принятие «Уведомления Госсовета об образовании национальных волостей» от 29 декабря 1983 г. Этот документ мало чем отличался от «Некоторых мнений Госсовета» (1955 г.), однако он определял порог для образования национальной волости примерно в 30% [40]³. Позднее, 15 сентября 1993 г., вышло «Положение о работе органов власти в национальных волостях» [44]. Оно также устанавливало порог для образования национальных волостей в 30%, однако содержало разрешение учитывать местные условия и создавать волости и при меньшей доле неханьцев (ст. 2). Положение детально определяло сферу ответственности местных властей: развитие экономики, финансов, образования, языка и культуры, охрана здоровья населения и т.п. Таким образом, если «Уведомление» содержало основные принципы организации волостей, то «Положение» наполнило их более-менее конкретным содержанием.

На основании вышеуказанных документов началось нормотворчество на местах. Так, 7 января 1988 г. Собрание народных представителей пров. Хэйлунцзян приняло «Положение о национальных волостях провинции Хэйлунцзян» (вступило в силу 1 марта 1988 г.) [48]⁴. Этот документ содержал некоторые особенности, касающиеся развития местной экономики. В частности, постановлялось: «Национальные волости, твёрдо при-

³ В тексте указывается, что такие волости создаются, если доля неханьцев «обычно составляет около 30%» от населения административно-территориальной единицы (п. 2).

⁴ 14 октября 1995 г. были приняты некоторые исправления, однако они не носили принципиального характера, а лишь привели документ в соответствие с вышедшим в 1993 г. «Положением о работе органов власти в национальных волостях».

держиваясь курса на реформы и открытость, основываясь на национальной специфике, должны рационально упорядочивать производственную структуру, сообразуясь с местными условиями, развивать сельское и лесное хозяйство, животноводство, подсобные промыслы, рыбную промышленность, стимулировать развитие волостно-поселковых предприятий, разворачивать горизонтальные связи, расширять товарное производство, продвигать всестороннее развитие волостной экономики» (ст. 14). Таким образом, процитированная норма направлена на стимулирование развития тех отраслей экономики, в которых заняты жители национальных волостей.

Помимо права на территориальную автономию неханьским национальностям предоставлено право представительства во Всекитайском собрании народных представителей (ВСНП) и Всекитайском комитете Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК). Считается, что участие в законотворчестве (ВСНП) и общественных консультациях (НПКСК) способствует защите прав этнических меньшинств. В табл. 1 перечислены депутаты в ВСНП от хэчжэ. К сожалению, национальная принадлежность делегатов не указана для I—V составов ВСНП и I—VI составов НПКСК, но хэчжэ были представлены в указанных инстанциях с основания КНР.

Таблица 1

Представительство хэчжэ в ВСНП и ВК НПКСК VI—XIII созывов (1982 — н.в.)

Созыв ВСНП / ВК НПКСК	Депутаты ВСНП	Депутаты ВК НПКСК
VI (1983—1988 гг.)	У Гофан (吴国芳)	н/д
VII (1988—1993 гг.)	Ван Сюлинь (王秀林)	Фу Цзинсянь (傅景贤)
VIII (1993—1998 гг.)	Ю Юйчжо (尤玉衢)	Би Дачуань (毕大川) У Хуэй (吴慧)
IX (1998—2003 гг.)	Ю Цзяньхун (尤建宏)	Би Дачуань (毕大川) У Хуэй (吴慧)
X (2003—2008 гг.)	Ю Цзяньхун (尤建宏)	У Хуэй (吴慧)
XI (2008—2013 гг.)	Лю Лэй (刘蕾)	Фу Ган (付刚)
XII (2013—2018 гг.)	Лю Лэй (刘蕾)	Фу Ган (付刚)
XIII (2018 — н.в.)	Лю Лэй (刘蕾)	Фу Ган (傅刚)

Сост. автором по: [31; 35].

Судя по перечню депутатов, представительство носит формальный характер, т.е. изучаемый народ всегда представлен лишь одним человеком в ВСНП, хотя закон жёстко не ограничивает число представителей от нацменьшинств. Немного иная ситуация сложилась в НПКСК. С 1993 по 2003 г. там работало два представителя от хэчжэ:

один — от комитета национальностей, второй (Би Дачуань) — от комитета по науке и технике. Ни одного *хэчжэ* не было среди высшего руководства КПК: ни среди кандидатов, ни среди членов ЦК КПК всех созывов. В целом это вполне объяснимо малочисленным составом данного народа.

Таким образом, законодательство КНР обеспечивало основу для сохранения и развития традиционной культуры всех национальностей страны. В районах национальной автономии, а также в национальных волостях были созданы условия для поддержания нравов, обычаев, религии, хозяйства проживавших в них этнических групп. Представительство *хэчжэ* в высших законодательных и совещательных институциях теоретически позволяет поднимать в высших органах власти вопросы в интересах данного народа.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

К концу XX в. Китай испытывал всё возрастающую демографическую нагрузку, что привело к концу века к проведению довольно жёсткой политики однодетности. Согласно «Закону о районной национальной автономии» (ст. 44) неханьские национальности также должны проводить планирование рождаемости. В 1984 г. ЦК КПК издал документ № 7, посвящённый работе в области политики народонаселения. В нём содержались конкретные инструкции по реализации мер в области ограничения рождаемости. В отношении этнических меньшинств документ позволял иметь двух детей представителям национальностей численностью до 10 млн чел. В отдельных случаях разрешалось иметь трёх детей, но не допускалось рождение четверых [29]. Согласно ныне действующему «Положению о народонаселении и планировании рождаемости провинции Хэйлуцзян» (ст. 14) оро-чоны, эвенки, *хэчжэ*, дауры, киргизы имеют право родить второго ребёнка с интервалом в четыре года [49; 50; см. также: 4—6]. В 2015 г. политика планирования рождаемости претерпела существенные изменения: теперь все граждане КНР имеют право на рождение двух детей, но это затрагивает преимущественно ханьское большинство [42]. Таким образом, несмотря на ограничения, для малочисленных национальностей сохранено право простого и расширенного воспроизводства.

Согласно переписям населения КНР численность *хэчжэ* увеличилась с 453 до 5354 чел. (рост в 11,9 раза, табл. 2). При этом сравнение данных 1964 и 1982, а также 1982 и 1990 гг. даёт довольно любопытные результаты. В первом случае численность возросла в 2,07 раза (за 18 лет), а во втором — 2,85 раза (за 8 лет). В чём причины такой ситуации? С одной стороны, это связано с феноменом определения этнической принадлежности (в период «Большого скачка» и «культурной революции» принадлежность к этническим меньшинствам могла привести к печальным

последствиям), а с другой — с причислением к хэчжэ ханьцев и представителей иных национальностей. Ещё одна причина — это высокая доля межэтнических браков, у нанайцев КНР ещё в середине 1990-х гг. она составляла 70,4% [10, с. 199]. Дети от таких браков считаются неханьцами.

Таблица 2

**Динамика численности народа хэчжэ в КНР
согласно переписям населения (1953—2010 гг.), чел.**

	1953	1964	1982	1990	2000	2010
КНР	453	718	1489	4254	4640	5354
В т.ч. в пров. Хэйлунцзян	449	698	1397	3759	3901	3613
Пекин	—	4	15	30	84	201
Пров. Цзилинь	—	11	15	232	190	212
Пров. Ляонин	—	—	2	28	82	154
Пров. Гуандун	—	—	—	—	13	298

Сост. автором по: [33, т. 1, с. 53; 32, 1990, табл. 3-1; 32, 2000, табл. 1-6; 30, с. 912—976].

Интересно рассмотреть размеры семьи у современных хэчжэ. К сожалению, у нас нет сведений о всех хэчжэ, однако обследование китайскими специалистами деревни Цзецзинькоу даёт вполне ясную картину. Согласно названному обследованию, проведённому в 2003 г., наибольшее число свадеб сыграли мужчины в 22 и 24 года, а женщины — в 21 год (по 10 чел. каждого пола). Девушки чаще всего выходят замуж с 17 до 25 лет, а юноши женятся с 20 до 24 лет. Вне этих возрастных рамок свадьбы довольно редки. Наиболее ранний возраст вступления в брак у женщин составил 16 лет, у мужчин — 18, наиболее поздний — 35 и 34 соответственно [47, с. 51—52]. Согласно ныне действующему «Закону КНР о браке» (1980 г.) женщины могут выходить замуж с 22 лет, а мужчины женятся с 24. Этим главным образом и объясняется факт «брачной волны» в 21—22 года. До 1980 г. минимальный возраст вступления в брак составлял 20 и 22 года для женщин и мужчин.

В КНР доля мужского населения выше женского. В настоящее время соотношение полов составляет 100 : 122 на момент рождения, а в среднем — 100 : 105,2. В некоторых регионах расхождение значительно выше и доходит до 100 : 135! Однако у хэчжэ ситуация в корне иная. Согласно результатам 6-й Всекитайской переписи населения (2010 г.) из 5354 чел. мужчины составляют 2651, а женщины — 2703, т.е. последние преобладают [33, т. 1, с. 53]. Опять-таки материалы обследования Цзецзинькоу показывают, что данное соотношение полов вполне типично для хэчжэ [47, с. 38]. Вероятно, превышение доли женщин связано с образом жизни (здесь ситуация аналогична с положением нанайцев и других малочисленных национальностей в России).

Какова ситуация с составом семьи? Рассмотренные нами выше установления позволяют супругам иметь более одного ребёнка. Как часто пользуются этим правом *хэчжэ*? В 1958 г. средний размер семьи в Цзецзинькоу составлял 5,1 чел., а в 2003 г. сократился до 3,27 чел. (стоит отметить, что в 1950—1970-е гг. проводилась политика поощрения рождаемости [45, с. 395—398]). В 2003 г. преобладали семьи из 3—4 чел. (23 семьи состояло из 3 чел., 38 — из 4). Семей из 5 чел. насчитывалось 9, из 6 — 7, из 7 — 1 [47, с. 55]. Таким образом, можно заключить, что в настоящее время большая часть семей пользуется своим правом на второго и последующего ребёнка. Однако тенденция к сокращению размера семьи налицо. Стоит отметить, что, вероятно, в относительно недалёком будущем численность *хэчжэ* начнёт уменьшаться. Это отчасти подтверждает факт старения населения. Хотя ситуацию может изменить «прилив» свежей крови. Мы имеем ввиду, с одной стороны, дальнейший рост межнациональных браков, с другой — причисление себя к народу *хэчжэ* представителями других этносов (обе тенденции уже описаны выше).

Совсем недавно сформировалась ещё одна тенденция: рост миграции *хэчжэ* в другие регионы КНР. Табл. 2 демонстрирует, что за 20—30 лет эта тенденция усилилась. Если перепись 1990 г. зафиксировала заметное увеличение *хэчжэ* в пров. Цзилинь (вероятно, во многом из-за раскрытия этнической принадлежности), то переписи 2000 и особенно 2010 гг. показывают заметный приток *хэчжэ* в наиболее экономически благополучные регионы КНР: Пекин, пров. Ляонин и, главным образом, пров. Гуандун (рост за 10 лет составил более чем 22,9 раз!). В последние десятилетия миграционная подвижность всех этнических меньшинств, как и ханьцев, существенно возросла, и *хэчжэ* не стали исключением.

Таким образом, демографические данные показывают, что постепенно происходит эрозия национального состава в результате как роста межэтнических браков, так и откровенной фальсификации этнической принадлежности. Да и в целом численность *хэчжэ* в 5354 чел. не способствует консолидации этноса и его дальнейшему развитию. Здесь стоит отметить, что из представленной цифры немалая часть нанайцев проживает в городах, смешиваясь с местным населением и усваивая его повседневные привычки.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Оценку социально-экономических отношений стоит начать с анализа экономики национальных посёлков *хэчжэ*. Традиционными занятиями народа были рыболовство и охота, также — уже в середине XX в. — он активно занимался земледелием, в частности заливным рисосеянием [14, с. 685]. В конце XX — начале XXI в. характер хозяйственной деятельности *хэчжэ* существенно изменился. В настоящее время они заняты

в сельском хозяйстве, животноводстве, лесоводстве, рыболовстве, промышленности, а также в транспорте, торговле и сервисе. Наиболее развитым к 2000 г. стало сельское хозяйство. Общий объём доходов к этому времени в данной сфере составил 5,71 млн юаней среди всех пяти поселений. Стоит отметить, что сельскохозяйственные доходы к 2004 г. достигли 12,01 млн юаней, зато такая традиционная сфера производства, как рыболовство, наоборот, сократилась за этот период с 1,36 до 1,32 млн юаней [37, с. 46]. Обозначенная тенденция, вероятно, свидетельствует о постепенном отмирании традиционного хозяйства у *хэчжэ*. Если мы рассмотрим развитие рыболовства в ближайшей ретроспективе, то снова можем увидеть аналогичную тенденцию. Например, доходы от этой сферы в пос. Цзецзинькоу с 1987 по 1999 г. возросли с 260 до 400 тыс. юаней. Однако пик развития пришёлся на 1992—1993 гг., когда доходы составляли 470 тыс. юаней. Аналогичная ситуация сложилась в пос. Бача и Сыпай [34, с. 228]. Сейчас происходит постепенная переориентация населения с рыболовства на животноводство, доходы последнего возросли с 2,2 до 3,74 млн юаней. В целом же за годы 10-й пятилетки (2000—2005 гг.) рост экономики составил 56,5% [46, с. 52].

На рубеже XX—XXI вв. относительно активно развивалась несельскохозяйственная сфера. Так, например, *хэчжэ* заняты в промышленном производстве. Доходы там за период 10-й пятилетки возросли с 1,14 до 1,84 млн юаней. Торговля увеличилась в 2,98 раз: с 1,05 до 3,13 млн юаней. Однако сфера услуг, наоборот, сократилась с 0,98 млн юаней в 2000 г. до 0,6 млн юаней в 2005 г. К концу 11-й пятилетки (2006—2010 гг.) основные показатели социально-экономического развития снова выросли (см. табл. 3).

Эти данные вполне соответствуют официальному сообщению китайского информационного агентства Синьхуа о том, что проживающие в уезде Тунцзян *хэчжэ* изменили свой традиционный образ жизни. В нём говорилось, что если представители народа издревле занимались охотой и рыболовством, то в начале XXI в. развивается сельское хозяйство, скотоводство и туризм. Также *хэчжэ* стали заниматься лесопосадками. По мнению авторов сообщения, эти изменения в экономической жизни этноса являются «историческим скачком». В результате поднялся уровень доходов местных жителей [15]. Вероятно, такие изменения вызваны не только целенаправленной политикой властей, но и ухудшением экологической ситуации в регионе. Активная вырубка лесов привела к обезлесиванию, что, в свою очередь, сказалось на охотничьем промысле. Строительство крупных промышленных предприятий вдоль рек вызвало серьёзное загрязнение водного бассейна, что обусловило падение объёмов улова.

Изучение хозяйственного комплекса *хэчжэ* показывает, что произошёл значительная утрата традиционного хозяйственного механизма. Однако это изменение не обязательно ведёт к утрате этничности и исчезновению народа.

**Основные социально-экономические показатели развития
национальных волостей хэчжэ в 2010 г.**

Волость	Общая численность населения, чел.	Численность национальных меньшинств, чел./%	Валовая стоимость предприятий, млн юаней	Валовая стоимость сельского хозяйства, млн юаней	Объём произведённого зерна, т	Объём произведённого мяса, т
Цзецзинькоу	3964	537	8,5	68,4	14 500	560
Бача	3851	481	—	—	30 032	380
Сыпай	1862	225	2,6	18,0	12 510	—
Волость	Среднегодовые чистые доходы населения, юаней	Число средних школ, ед.	Число учащихся, чел.	Число учителей, чел.	Число больниц и здравпунктов	Число врачей, чел.
Цзецзинькоу	8585	1	86	33	1	10
Бача	8382	1	53	27	1	7
Сыпай	5620	2	37	24	1	4

Здесь приведено по статсборнику.
Сост. автором по: [27, с. 562—565].

Одно из направлений национальной политики Китая состоит в улучшении жизненного уровня этнических меньшинств. Его показателями являются уровень доходов, потребления, жилищные условия, качество медицинских услуг, доступность образования. Ниже мы дадим краткую их характеристику.

Итак, основа благополучия — уровень доходов. В 1980-е гг. отмечался определённый рост среднегодовых доходов хэчжэ с 500 до 600 юаней [17, с. 28]. Обследование, проводимое в начале 2000-х гг., показало, что ещё в 1994 г. средние доходы представителей этноса едва достигали 550 юаней (в национальных сельских поселениях Хэйлунцзяна они тогда составляли 1500 юаней). Однако благодаря правительственным инвестициям в сельское хозяйство и другие отрасли производства ситуация кардинально изменилась. В 1999 г. среднедушевые доходы составили в Цзецзинькоу 1980 юаней, в Бача — 2500 юаней, в Сыпае — 1100 юаней (в среднем по трём посёлкам — 1860 юаней) [34, с. 224—225]. Для сравнения, в это же время по сельским районам провинции чистые среднегодовые доходы составляли: в 1985 г. — 398 юаней, в 1990 г. — 760 юаней, в 1995 г. — 1766 юаней, в 1999 г. — 2166 юаней [26, с. 151]. Несмотря на отставание от среднепровинциальных значений, рост доходов населения

впечатляющий. В дальнейшем он продолжился. Уже в 2005 г. чистые сред-недушевые доходы хэчжэ достигли 3499 юаней (в то же время чистые среднедушевые доходы этнических меньшинств, проживающих в сель-ской местности Хэйлунцзяна, составили 2667 юаней!) [46, с. 56]. Средние доходы сельского населения Хэйлунцзяна в 2005 г. составляли 3221 юань. В 2010 г. они выросли до 8585, 8382 и 5620 юаней в Цзецзинькоу, Бача и Сыпае соответственно, в то время как в среднем по провинции этот по-казатель составил 6211 юаней [52]. Таким образом, рост доходов хэчжэ в основном опережал средние значения как среди неханьцев, так и среди всего сельского населения провинции.

Распределение доходов выглядело следующим образом. В 2005 г. доля бедного населения в пос. Цзецзинькоу и Бача, доходы которого не превышали 1000 юаней, составляла 11,8%. Хэчжэ, достигших уров-ня «вэньбао» («тепла и сытости», т.е. дохода от 1000 до 2000 юаней), было 23,2%. Остальная часть населения являлась довольно зажиточной. Из табл. 4 видна динамика роста уровня доходов. Так, сократилась доля бедного населения (более чем в 2 раза) и существенно возросла доля за-житочного и вообще сравнительно богатого. Естественно, объём дохо-дов увеличивался не только в связи с ростом производства и инвестиций, но и из-за инфляции. Однако её уровень в тот период был довольно ни-зок. За 2010 г. детализированной статистики доходов, к сожалению, ав-тору найти не удалось.

Таблица 4

Динамика уровня доходов хэчжэ (1999–2005 гг.), в %⁵

	Менее 1 000 юаней	1000—1 999 юаней	2000—2 999 юаней	3000—4 999 юаней	5000—9 999 юаней	10 000—14 900 юаней	15 000—19 900 юаней	Более 20 000 юаней
1999	28,0	33,0	39,0	—	—	—	—	—
2005	11,8	23,2	17,9	20,3	13,4	7,3	2,4	3,7

Сост. автором по: [51, с. 28; 46, с. 56].

⁵ Данные таблицы не вполне коррелируют друг с другом. Информация за 1999 г. основана на обследовании 187 домохозяйств, а за 2005 г. — 246, поэтому мы приводим лишь относительные значения. В первом случае, ввиду сравнительно малых доходов населения, деление по уровням более дробное (например, приведены до-ходы ниже 500 юаней, от 1501 до 2000 юаней), поэтому мы объединили дробные единицы в более крупные. Статистика 1999 г. учитывала точное число семей с до-ходами до 2500 юаней; всех, кто имел больше, она объединяла в одну категорию.

Несмотря на важность изучения доходов населения, сам по себе этот индикатор не вполне отражает качественные изменения, происходящие в обществе. Его обязательно необходимо соотносить с расходами. Главный показатель здесь — так называемый коэффициент Энгеля, т.е. доля расходов на питание. В 1999 г. он равнялся 49,3 всех расходов *хэчжэ*. Данное значение характеризует довольно бедное положение изучаемой национальности (коэффициент со значением менее 40 свидетельствует о зажиточном обществе). Однако в рассматриваемый период этот показатель у других национальностей Хэйлунцзяна был ещё более удручающим: у монголов — 56,9; эвенков — 50,3; киргизов — 60,9; дауров — 52,7; маньчжуров — 48. К зажиточным среди семи обследованных народов относились лишь корейцы с коэффициентом Энгеля в 28,8 [51, с. 27, табл. 10].

В это время структура расходов *хэчжэ* являлась следующей. Из 2150 юаней 1061 они тратили на питание, 287 — на одежду, 357 — на медицинское обслуживание, 172 — на транспорт, 253 — на образование и отдых. 10 юаней уходило на прочие расходы [51, с. 24, табл. 3].

К 2005 г. ситуация изменилась. Теперь коэффициент Энгеля составил 39,33, т.е. *хэчжэ* вошли в число зажиточных народов. В структуре расходов (2270 юаней) на питание тратилось лишь 893, на одежду — 227, на медицинское обслуживание — 227. Возросли траты на транспорт и образование — 227 и 340 юаней соответственно [46, с. 57].

Ещё один показатель уровня жизни — доступность жилья. В 1999 г. на одного сельского жителя Хэйлунцзяна приходилось около 20,0 кв. м. У *хэчжэ* этот показатель составлял лишь 16,9 кв. м, что меньше значений и в среднем по провинции, и среди прочих неханьцев (показатели ниже зарегистрированы лишь у маньчжуров и дауров — по 16,8 кв. м — и киргизов — 16,29 кв. м) [51, с. 25]. На 2005 г. среди 246 обследованных семей пос. Цезезинькоу и Бача собственным жильём обладала 201, или 81,7%, 45 (18,3%) снимали жильё. В среднем на семью приходилось по 60,3 кв. м жилплощади, или 18,44 кв. м на одного её члена (по данным 2003 г., средний состав семьи равнялся 3,27 чел.). К сожалению, материалы обследований невозможно полностью сопоставить, так как в разное время изучались не все *хэчжэ*, компактно проживающие в провинции. Обследование середины 2000-х гг. более объёмное. Например, в нём приводятся данные не только по общей жилплощади, но и по её качеству, что не было сделано ранее. Так, среди 246 домов с центральным отоплением было 167 (67,9%), с печным — 79 (32,1%). Домашний водопровод имелся лишь в 40 домах (16,3%) [46, с. 57, табл. 8, 9]. Несмотря на всю специфику исследований, вполне можно выявить тенденцию постепенного улучшения качества жизни населения, связанную, во-первых, с ростом доходов и снижением доли расходов на питание, во-вторых, с повышением доли трат на образование и рекреационные услуги, в-третьих, с улучшением жилищных условий. В целом условия жизни *хэчжэ* приблизились к общепринятым в Китае и даже стали выше.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Важнейшим фактором сохранения национальной самости является использование родного языка. Современные коренные малочисленные народы нередко утрачивают — либо полностью, либо частично — свой язык. Если обратиться к этносам Дальнего Востока России, то здесь можно засвидетельствовать практически полную утрату родного языка молодым поколением. Однако старшее поколение в той или иной мере использует свой язык. Естественно, на сохранение языка воздействует среда. Как правило, представители малочисленных народов, проживающих в городе, полностью утрачивают родной язык. И наоборот, чем дальше от городских поселений и чем меньше включённость в различного рода связи, тем чаще используется родная речь. Аналогичная ситуация сложилась и в КНР. Например, по официальным данным на середину 2000-х гг., лишь 100 маньчжуров из более чем 10 млн знали родной язык, хотя ещё в 1950-е гг. маньчжурскую речь можно было слышать в деревнях Северо-Востока страны [подробнее см.: 18, 19].

В 1930-е гг. *хэчжэ* в основном использовали нанайский язык, а также маньчжурский, монгольский, но слабо владели (или вовсе не владели) китайским. Однако обследование мест компактного проживания *хэчжэ*, проведённое в 1957—1958 гг., показало, что из-за совместного проживания с ханьцами и молодёжь, и пожилые люди усвоили китайский язык. Тем не менее в то время коренное население владело родным языком. Ситуация значительно изменилась к 1980-м гг. Обследование 1982—1983 гг. показало, что китайский стал основным языком общения. Национальным языком владели лица в возрасте 55 лет и старше, люди от 40 до 55 лет понимали родную речь и могли произнести отдельные слова и простые выражения. Лица младше 30 лет практически не знали родного языка [47, с. 174—175].

В 2001 г. исследователи из Центра изучения языков северных народов Хэйлунцзянского института национальностей подготовили анкету, в которой предложили респондентам отразить степень владения нанайским языком. Опрос проводился в пос. Цзецзинькоу среди 156 чел. Лиц, вообще не знающих ни одной фразы родного языка, насчитывалось 66 чел., знающих до 100 фраз — 48 чел., от 100 до 300 — 6 чел., от 300 до 500 — 3 чел., от 500 до 1000 — 7 чел., от 2000 до 3000 — 4 чел., свыше 3000 слов знало 16 чел. Вполне очевидно, что первые 112 чел. — лица среднего и молодого возраста (от 1960 до 2000 г. р.). Однако среди жителей посёлка, знающих более 3000 слов, лиц 1981 и 1983 г. р. — 6 чел., остальные в основном родились в 1930-х гг. [47, с. 179—183].

Распространению родного языка *хэчжэ* также не способствует политика Центра. После образования КНР ряд национальностей, ранее не имевших письменности, получили таковую. Однако целому ряду малочисленных народов, в частности даурам (131 992 чел. в 2010 г.), в письменности

было отказано. В 1980-е гг. обсуждался вопрос о создании письменности для этнических меньшинств. Китайскими учёными поднимался вопрос о целесообразности такой работы, ведь ряд неханьских национальностей столь малочисленны, что обеспечить использование письменности практически невозможно. Старейший антрополог Китая Фэй Сяотун высказал мнение, что для создания письменности народности необходимо иметь определённую базу, определённые условия, а этого у некоторых малочисленных этносов, таких как *хэчжэ*, эвенки и ороконы, нет [12, с. 45—51]. Таким образом, все попытки создания национальной письменности для неханьских народов Северо-Востока так и не были реализованы.

Несмотря на отсутствие письменности у малочисленных народов Дунбэя, в школах нашли возможность преподавать на родных языках. Так, в сёлах *хэчжэ* с начала 1987 г. обучение велось на родном языке. На письме его передают с помощью китайской транскрипционной письменности пиньинь, основанной на латинской графике. Была составлена хрестоматия с параллельным китайским и нанайским текстом, объёмом 10 тыс. знаков. Появление такого издания, как сообщалось, было воспринято *хэчжэ* с большим удовлетворением [36]⁶.

В рамках небольшого очерка невозможно изучить все стороны современного развития изучаемого народа. Тем не менее анализ позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, государственная политика в целом позволяет поддерживать этническую идентичность *хэчжэ* через институт национальных волостей, представительства в высших, региональных и местных органах власти, а также сохранять традиционные праздники, элементы повседневной культуры. Во-вторых, несмотря на существенный рост численности *хэчжэ* в период КНР, демографическая база не позволяет эффективно поддерживать воспроизводство национальной культуры. В целом же изучаемому народу присущи все основные демографические тенденции, сложившиеся в Китае к началу XXI в.: снижение размера семьи, рост миграционной подвижности и др. В-третьих, несмотря на существенное улучшение бытовых условий, качества жизни, произошло разрушение традиционного хозяйства *хэчжэ*: в настоящее время они осуществляют те же виды хозяйственной деятельности, что и ханьцы⁷. В-четвёртых, произошла практически полная утрата языка. Таким образом, к началу третьего тысячелетия ассимиляционные процессы стали преобладать и есть вероятность скорого растворения *хэчжэ* в конструируемой китайской нации — *чжунхуа миньцзу*.

⁶ В Цзецзинькоу национальное образование появилось в 1913 г., когда там впервые открылась начальная школа. Однако в 1924 г. она была расформирована, а в 1937 г. её работа ненадолго возобновилась. Лишь после создания КНР названные школы стали функционировать на регулярной основе [47, с. 261—262].

⁷ Интересно отметить реакцию российских нанайцев на приезд в с. Кондон делегации *хэчжэ* на один из национальных праздников. По их мнению, выступления *хэчжэ* «... больше соответствуют китайским обычаям, чем традициям коренных народов Приамурья» [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1982. 186 с.
2. Березницкий С.В. Полевые исследования культуры хэчжэ в провинции Хэйлунцзян (КНР) в сентябре 2012 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 13. С. 100—121.
3. В китайской столице представлена танцевальная драма о жизни и культуре народности хэчжэ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8KFdH1oVklw> (дата обращения: 12.02.2019).
4. Веремейчик А.С. Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949—2010 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 46—53.
5. Веремейчик А.С. Законодательное регулирование демографической политики в Китае (на примере северо-восточного региона) // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2013. Т. 43. Ч. 2. С. 474—485.
6. Веремейчик А.С. Особенности демографического развития Северо-Восточного Китая (1949—1978 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 145—154.
7. Вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК. М.: Госполитиздат, 1958. 91 с.
8. Дэн Сяопин. О движении за упорядочение стиля работы. Доклад на 3-м расширенном пленуме ЦК КПК 8-го созыва 23 сентября 1957 года. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. 61 с.
9. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 227 с.
10. Китайская Народная Республика в 1995—1996 гг.: политика, экономика, культура. М.: Вост. лит., 1997. 493 с.
11. Кочешков Н.В. Неханьские народы Северо-Восточного Китая // Россия и АТР. 1999. № 1. С. 45—58.
12. Москалев А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М.: Вост. лит., 1992. 183 с.
13. Мы — единый народ: о десятилетии восстановления этнических связей нанайцев России и Китая. Хабаровск: РИОТИП, 2002. 160 с.
14. Народы Восточной Азии / под ред. Н.Н. Чебоксарова, С.И. Брука, Р.Ф. Итса, Г.Г. Стратоновича. М.; Л.: Наука, 1965. 1027 с.
15. Проживающие в районе слияния рек Хэйлунцзян, Сунхуацзян и Усулицзян представители национальности хэчжэ меняют уклад экономической жизни. URL: <http://www.asiatimes.narod.ru/news2001/1001/0099.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
16. Сергеев И. Давайте дружить стойбищами. URL: <http://www.vremya.ru/2006/124/4/156520.html> (дата обращения: 16.09.2019).
17. Соловьёв Ф.В. Во имя процветания: Об экономическом развитии малых народностей провинции Хэйлунцзян // У карты Тихого океана. Владивосток. 1989. № 12. С. 26—34.
18. Ставров И.В. Маньчжуры КНР: правовые, социально-экономические и культурные аспекты развития // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2014. Т. 44. Ч. 2. С. 165—178.

19. Стариков В.С. Докладная записка о современном положении тунгусо-маньчжурских народов КНР // Арх. Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург). К-1. Оп. 1. №-763.
20. Сюй Чанхань. Имакан как эпико-песенная традиция народности хэчжэ // Религиоведение. 2012. № 3. С. 58—64.
21. Хасанова М.М. Проблема контактов населения Нижнего Амура и Северо-Восточного Китая // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 280—325.
22. Olson J.S. An Ethnohistorical Dictionary of China. Westport: Greenwood Press, 1998. 435 p.
23. Pulford E. From Reindeer to MTV: Indigenous Performers and the Russia-China Border // Eurasia Border Review. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 113—128.
24. Pulford E. The Nanai, Hezhe and mobilized loyalties along the Amur // History and Anthropology. 2017. Vol. 28. P. 531—532.
25. Schwarz H.G. The Minorities of Northern China: A Survey. Bellingham (Wash.): Western Washington, 1984. 309 p.
26. 2001黑龙江统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян — 2001. Пекин: 中国统计出版社, 2001. С. 151.
27. 2011中国民族统计年鉴 = Статистический ежегодник национальностей Китая — 2011. Пекин: 中国统计出版社, 2012. 778 с.
28. 2011民族发展蓝皮书。中国民族区域自治发展报告 (2010) = Синяя книга о развитии национальностей за 2011 г. Доклад о развитии районной национальной автономии Китая за 2010 г. Пекин: 社会科学文献出版社, 2011. 494 с.
29. 中共中央批转国家计划生育委员会党组“关于计划生育工作情况的汇报”中发【1984】7号 = Документ № 7 Госкомитета по делам планирования рождаемости «Относительно современного положения в работе по планированию рождаемости», одобренный ЦК КПК в 1984 г. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-free-2986873-1.shtml> (дата обращения: 16.09.2019).
30. 中华人民共和国人口统计资料汇编。1949—1985 = Сб. статистических материалов по народонаселению КНР. 1949—1985. Пекин: 中国财政经济出版社, 1988. 1008 с.
31. 中华人民共和国全国人民代表大会代表名单 = Поимённый список депутатов ВСНП. URL: www.npc.gov.cn (дата обращения: 16.09.2019).
32. 中国1990, 2000年人口普查资料 = Материалы всекитайской переписи населения 1990, 2000 г. Пекин: 中国统计出版社, 1992, 2002. Электрон. опт. диск (CD-ROM).
33. 中国2010年人口普查资料。上, 中, 下册 = Материалы Всекитайской переписи населения 2010 г. Пекин: 中国统计出版社, 2012. Т. 1—3. 2403 с.
34. 中国人口较少民族经济和社会发展调查报告 = Доклад об обследовании социально-экономического развития малочисленных национальностей Китая. Пекин: 民族出版社, 2007. 377 с.
35. 中国人民政治协商会议全国委员会委员名单 = Поимённый список депутатов НПКСК. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2019/03/02/ART11551523795257387.shtml> (дата обращения: 16.09.2019).
36. 人民日报。03.10.1987 = Жэньминь жибао. 1987. 3 окт.
37. 关于我国赫哲族聚居区推进全面建设小康社会进程的调研报告 = Доклад о всеобщем строительстве общества сяокан в районах компактного проживания хэчжэ // 黑龙江民族丛刊. 2005. № 2. С. 44—55.

38. 刘忠波。赫哲人 = Лю Чжунбо. Народ хэчжэ. Пекин: б.и., 1981. 68 с.
39. 国务院关于建立民族乡若干问题的指示 (29.12.1955) = Инструкции Госсовета по некоторым вопросам организации национальных волостей // 民族政策文件汇编。第二编 = Сб. документов по национальной политике. Пекин:人民出版社, 1958. Т. 2. С. 56—57.
40. 国务院关于建立民族乡问题的通知 = Уведомление Госсовета об образовании национальных волостей. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64186/66699/4495325.html> (дата обращения: 12.02.2019).
41. 张嘉宾。赫哲族 = Чжан Цзябинь. Народ хэчжэ // 黑龙江少数民族简史 / 方衍主编 = Краткая история национальных меньшинств провинции Хэйлунцзян / под ред. Фан Яня. Пекин: 中央民族学院出版社, 1992. 348 с.
42. 授权发布: 中国共产党第十八届中央委员会第五次全体会议公报 = Официальное сообщение: коммюнике 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2015-10/29/c_1116983078.htm (дата обращения: 16.09.2019).
43. 杨晗。改革开放以来赫哲族经济社会跨越式发展 = Ян Хань. Скачкообразное социально-экономическое развитие народа хэчжэ с начала эпохи реформ и открытости // 黑龙江民族丛刊. 2010. № 2. С. 78—83.
44. 民族乡行政工作条例 = Положение о работе органов власти в национальных волостях. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B0%91%E6%97%8F%E4%B9%A1%E8%A1%8C%E6%94%BF%E5%B7%A5%E4%BD%9C%E6%9D%A1%E4%BE%8B> (дата обращения: 12.02.2019).
45. 民族政策概论 = Обзор национальной политики. Пекин: 民族出版社, 2010. С. 395—398.
46. 舒景祥, 舒景春, 尤建红。对赫哲族聚居区”十五“期间经济和社会发展的调查分析 = Шу Цзинсян, Шу Цзинчунь, Ю Цзяньхун. Обследование социально-экономического развития районов компактного проживания хэчжэ в годы 10-й пятилетки // 黑龙江民族丛刊. 2006. № 5. С. 50—58.
47. 赫哲族。黑龙江同江市街津口乡调查 / 黄泽, 刘金明主编 = Народ хэчжэ. Исследование уезда Цзецзинькоу и г. Тунцзян провинции Хэйлунцзян / гл. ред. Хуан Цзэ и Лю Цзиньмин. Куньмин: 云南大学出版社, 2004. 291 с.
48. 黑龙江民族乡条例 = Положение о национальных волостях провинции Хэйлунцзян. URL: <http://www.hljrd.gov.cn/info/1209/8144.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
49. 黑龙江省人口与计划生育条例 = Положение о народонаселении и планировании рождаемости в провинции Хэйлунцзян. URL: <http://www.hljrd.gov.cn/info/1561/12286.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
50. 黑龙江省人口与计划生育条例 (2016修正) = Положение о народонаселении и планировании рождаемости в провинции Хэйлунцзян (с поправками 2016 г.). URL: <http://www.wsjsw.gov.cn/gjjqtsq/20180525/21133.html> (дата обращения: 12.02.2019).
51. 黑龙江省少数民族农村居民家庭生活状况和生活质量调研报告 = Доклад о качестве жизни и современном положении сельских домохозяйств национальных меньшинств провинции Хэйлунцзян // 黑龙江民族丛刊. 2000. № 4. С. 21—30.
52. 黑龙江统计年鉴 = Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян. URL: <http://www.hlj.stats.gov.cn/tjsj/tjnj/> (дата обращения: 16.09.2019).